

Бывают в жизни непостижимые ошибки и проколы: я очень любил песни Александра Галича, но его самого ни разу не видел. Не был вхож в бардовско-поэтический цех и даже не пытался в него войти, просто слушал магнитофонные записи. В то время эти песни были отдушиной.

По иронии судьбы вместо живого Галича весной этого года увидел могильный крест поэта на клад-

бище Сент-Женевьев-де-Буа, под Парижем, с надписью: «Блаженны изгнаны правды ради». Рядом могилы Ивана Бунина, Виктора Некрасова, Андрея Тарковского...

Призывают: спешите делать добро. Говорю и я: обязательно встречайтесь с теми, кого любите. Не опаздывайте! Вес. клуб. - 1998. - октябрь. - с. 10.

Романтик

Александр Галич родился 19 октября 1918 года в Екатеринославе. Вообще-то он родился 20-го, но дядя Галича, известный литературовед-пушкинист Самуил Гинзбург, очень почитал день лицейского братства — 19 октября, и это стало днем празднования рождения маленького Александра, а уже потом дата утвердилась во всех справках о Галиче. Во втором томе «Литературной энциклопедии» (1964) о нем написано так: «рус. сов. драматург. Автор пьес «Улица мальчиков» (1946), «Вас вызывает Таймыр» (в соавт. с К. Исаевым, 1948), «Пути, которые мы выбираем» (1954; др. назв. «Под счастливой звездой»), «Походный марш» («За час до рассвета», 1957), «Пароход зовут «Орленок» (1958) и др. Г. написал также сценарии кинофильмов «Верные друзья» (совм. с К. Исаевым, режиссер М. Калатозов), «На семи ветрах» (режиссер С. Росточкин) и др. Комедиям Г. свойственны романтич. приподнятость, лиризм, юмор. Г. — автор популярных песен о молодежи».

Итак, романтическая приподнятость. Одну из песен Галича «До свидания, мама, не горюй!..» пела вся страна. Так всех нас воспитывали. Таким романтически настроенным юношей был и Галич, и поэтому он без особых осложнений вписался в интерьер советской жизни. Его ранние стихи заметил и похвалил в «Комсомольской правде» Эдуард Багрицкий.

В конце 30-х годов Галич одновременно учился в двух вузах — в Литературном институте и на актерском факультете студии Станиславского.

Любопытно: на экзаменационном листе Галича председатель приемной комиссии народный артист СССР Леонид Леонидов вывел: «Принять. Артистом не будет, но кем-нибудь обязательно станет».

И все же, прежде чем стать драматургом и поэтом, Галич немного поактерствовал.

«Впервые я увидела 22-летнего Сашу Галича (тогда еще Гинзбурга) в 1941 году перед войной в нашумевшем спектакле «Город на заре». Он играл одну из главных ролей — комсорга строительства ортодокса Борщаговского, превратившего молодежную стройку в концлагерь», — вспоминает Марианна Строева, нынешний доктор искусствоведения. Дальше — фронтовой театр. Параллельно — актерство и сочинительство. Знаменитый Александр Таиров заметил молодого драматурга и хотел поставить пьесу Галича «За час до рассвета», но театр был разогнан, и эту пьесу позднее поставил Николай Охлопков.

В 1948 году в Театре сатиры с триумфом прошла лирическая комедия Александра Галича «Вас вызывает Таймыр». В конце 40-х — начале 50-х он был на пике популярности. Ему хорошо писалось и хорошо пелось (он давно дружил с гитарой). Его пьесы шли во многих театрах Москвы, художественные ленты и мультфильмы демонстрировались на экране.

Галич — нарасхват. И вдруг...

«Впервые я увидела 22-летнего Сашу Галича (тогда еще Гинзбурга) в 1941 году перед войной в нашумевшем спектакле «Город на заре». Он играл одну из главных ролей — комсорга строительства ортодокса Борщаговского, превратившего молодежную стройку в концлагерь», — вспоминает Марианна Строева, нынешний доктор искусствоведения. Дальше — фронтовой театр. Параллельно — актерство и сочинительство. Знаменитый Александр Таиров заметил молодого драматурга и хотел поставить пьесу Галича «За час до рассвета», но театр был разогнан, и эту пьесу позднее поставил Николай Охлопков.

Антисоветчик

Случилось невероятное: Александр Галич променял сытую, красивую жизнь на тревоги и хлопоты. Он перестал сочинять фальшиво-светлые комедии и сценарии про советскую действительность и запел о своем народе и о своей стране честную правду. На фоне официальной лжи она звучала резко и громко.

*Старики управляют миром,
Суетятся, как злые мыши.
Им, по справке, выданной МИДом,
От семидесяти — и выше.
Откружили в боях и вальсах,
Отмолвили годам продление...
И в сведенных подагрой пальцах
Держат крепко бразды правленья...*

Чиновники, партбоссы и прочие вершители человеческих судеб стали объектами его яростной сатиры («...у папаше ее пайки цеховские, а по праздникам кино с Целиковской...»). А еще он ненавидел богатей, первачей, палачей...

*Пусть другие кричат от отчаянья,
От обиды, от боли, от голода!
Мы-то знаем — доходней молчанье,
Потому что молчанье — золото.
Вот так просто попасть в богачи,
Вот так просто попасть в первачи,
Вот так просто попасть в палачи:
Промолчи, промолчи, промолчи! —*

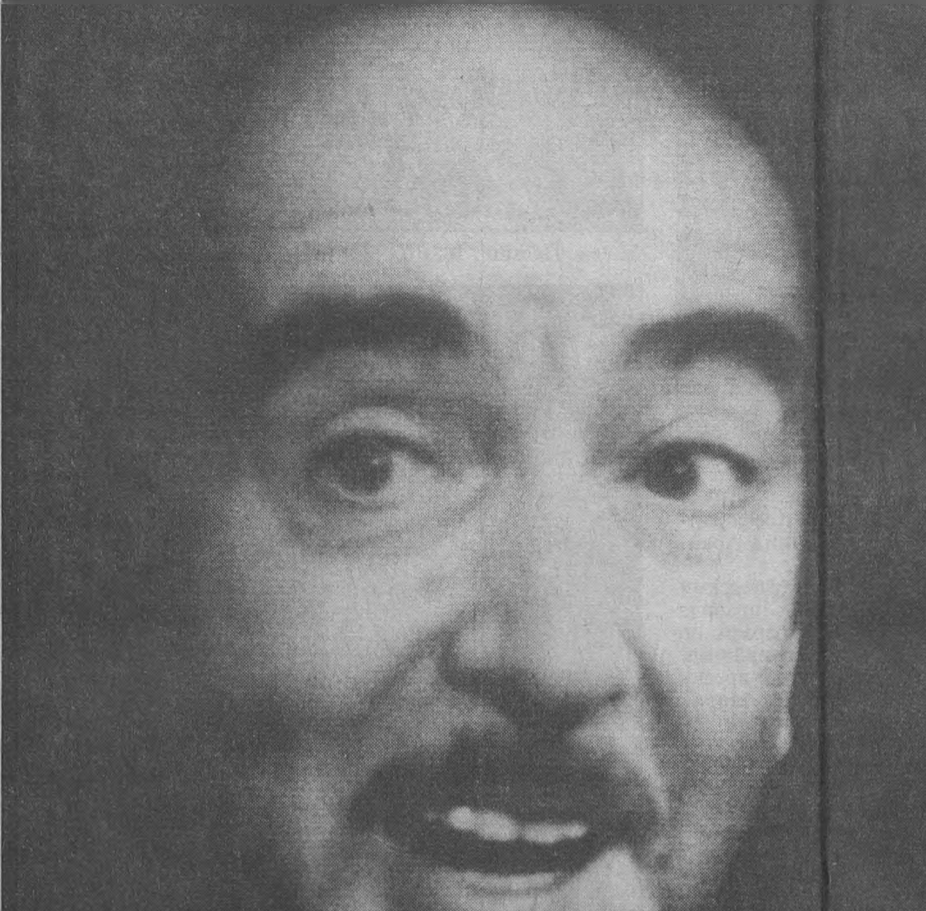
так Галич язвил и сокрушался одновременно в своем «Старательском вальске». В балладе «Ночной разговор в вагоне-ресторане» он сочно представляет историческую картину разоблачения культа личности:

*Малосальный огурец
Кум жевал внимательно.
Скажет слово — и поест,
Морда вся в апатии.
«Состоялся, дескать, съезд
Славной нашей партии.
Про Китай и про Лаос
Говорились прения,
Но особо встал вопрос
Про Отца и Геня».*

*Кум докучал огурец
И закончил с мукою:
«Оказался наш Отец
Не Отцом, а суконцем».*

Галич пел про зеков, про лагеря. Его спрашивали: «Александр Аркадьевич, ну не может быть, чтобы вы не сидели?» Нет, Галич не сидел, но он четко различал, что Власть и Россия — не одно и то же. Власть — надутая, чванливая, наглая. А Россия — бедная, затюканная, которая всем своим бедам и напастям противопоставляет свои маленькие радости.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

ГАЛИЧА

Бард

В России были три великих барда: Булат Окуджава, Владимир Высоцкий и Александр Галич. «Его поэзия отличалась такой остротой содержания, таким напряжением гражданского пафоса, — свидетельствовала писательница Ирина Грекова, — что действовала ошеломляюще».

*Карусель городов и гостиниц.
Запах грима и пыль париков...
Я кружусь, как подбитый эсминец,
Вдалеке от родных берегов...*

Песни Галича распространились по стране с быстротой эпидемии гриппа. Галичем «заболели» сразу и надолго. Невозможно было без внутренней слезы слушать его песни, такие, как «Облака», «Мы похоронены где-то под Нарвой», «Петербургский романс», и эту, с надрывом:

*Уходят, уходят, уходят друзья,
Одни — в никуда, а другие — в князья...
Все три барда — Окуджава, Высоцкий и Галич — по-своему выражали эпоху. Как отметила Мария Розанова: «Мы родились на песнях Окуджавы, зрели и многое понимали на песнях Высоцкого, а сражались уже под песни Галича».*

Если у Булата в песнях часто действуют абстрактные гусары и драгуны, музыканты и скрипачи, то у Галича — вполне конкретные люди с точным социальным адресом. Пьяный истопник, «останкинская девочка» Лена Потапова, милиционерша, которая неожиданно для всех вышла замуж за африканского принца, директор антикварного магазина №22 Копылов, поповский в психиатрическую больницу. Или вот Клим Петрович Колмоишев, мастер цеха, член парткома и депутат горсовета, выступающий на митинге.

*Вот моргает мне, гляжу, председатель:
Моя, скажи свое рабочее слово!*

*Выхожу я и не дробно, как дятло,
А неспешно говорю и сурово:
«Израильская, — говорю, — военщина,
Известная всему свету.
Как мать, — говорю, — и как женщина
Требую их к ответу!»*

В песнях Галича отображена вся наша прежняя жизнь в ее искореженных реалиях и подчас анекдотических деталях.

Еврей

Галич был евреем по рождению, он родился в семье Аркадия и Фейги Гинзбург. Но рос неверующим, а в юные годы был отчаянным комсомольцем и атеистом. В семье в иудаизм верил только дед Галича, читавший по ночам Тору. Сам Галич в зрелые годы говорил: «Если когда-нибудь я поверю, то приму только православие. Еврейская вера хороша, но слишком сурова». И тем не менее в песнях Галича евреи появляются довольно часто.

*Я папаше подношу двести грамчиков,
Сообщаю анекдот про абрамчиков.
Галич понимал не только внешне, но и изнутри проблему антисемитизма в стране. Вот, к примеру, пассажир из «Веселого разговора»:*

*Всех отшила, одного не отшила,
Называла его милым Алешей.
Был он техником по счетным машинам,
Хоть и лысый, и еврей, но хороший.
Ах, этот милый, так называемый бытовой антисемитизм. А вот горько-смешная история, рассказанная Галичем, о русском майоре, который потерял документы и решил шутки ради назваться евреем, на что орга-*

Последняя песня

*За чужую печаль
и за чье-то незванное детство
нам воздастся огнем и мечом
и позором вранья.
Возвращается боль,
потому что ей некуда деться,
возвращается вечером ветер
на круги своя.*

*Мы со сцены ушли,
но еще продолжается детство.
Наци роли суфлер дочитает,
ухмылку тая.
Возвращается вечером ветер
на круги своя,
возвращается боль,
потому что ей некуда деться.*

*Мы проспали беду,
протомали
чужое наследство,
жизнь подходит к концу,
и опять начинается детство,
пахнет мокрой травой
и махорочным дымом жилья.
Продолжается
детство без нас,
продолжается детство,
продолжается боль,
потому что ей
некуда деться,
возвращается вечером ветер
на круги своя.*

ны пришли в ярость:
*Мы тебя не то что взгреем,
Мы тебя сотрем в утиль!
Нет, не зря ты стал евреем,
А затем ты стал евреем,
Чтобы смыться в Израиль!*

Рассказывая о злоключениях евреев в России, Галич оставался не «жильцом», а сыном Отечества, которое он очень любил и никуда из него не собирался выезжать, тем более для того, чтобы «жрать свою мацу» в Израиле.

Гонимый
И все же ему пришлось уехать. «В шестьдесят восьмом году, — рассказывал Галич, — мне было запрещено выступать публично. В Советском Союзе, кстати, нет такой формулы «запрещено». Мне было «не рекомендовано». Меня вызвали в соответствующие инстанции и сказали: «Не стоит. Не стоит... Мы не рекомендуем». Я продолжал выступать в разных квартирах у моих друзей. Иногда даже у совсем незнакомых людей: кто-нибудь из друзей меня туда звал, и я выступал...»

Галичу не только запретили выступать публично в общественных залах, но и сняли его имя с титров фильма, где он был автором сценария. Исключили из Союза советских писателей.

«Когда и почему свихнулся Галич? — писала «Неделя». — По времени это случилось в начале 60-х годов, когда он практически бросил литературную работу и занялся сочинительством и исполнением под гитару полублатных, а чаще клеветнических песен. Причины? Может быть, творческий срыв? Заниматься сомнительным стихоплетством, конечно, легче, чем писать драмы, а клеветать, разумеется, проще, чем критиковать... Или кризис моральный? Пьянки, дебоши, неразборчивые амурные связи... В мае 1968 года секретариат московской писательской организации предупредил Галича. Ему дали время образумиться. Но Галич не унимался...»

Злопыхал главный редактор махрового «Огонька» Анатолий Софронов: «Галич был и остается обычным блатным анти-советчиком». Обидные слова в адрес поэта и барда бросил Алексей Арбузов: «Галич был способным драматургом, но ему захотелось еще славы поэта — и тут он кончился!»

Три инфаркта — цена гонения. К 1973 году жизнь Галича стала совсем невыносимой. В конце концов его вытолкнули из страны. Ему предложили в десять дней уехать из Советского Союза, сказали, что либо он уезжает за рубеж, либо остается в СССР, но едет на Север. То есть эмиграция или высылка! Такая вот «добровольность» перемещения.

*Что ж, прощай, мое Зло, мое доброе Зло.
Явям воском закапаны строчки в псалтири,
Целый год благодати в безрадостном мире*

*Кто из смертных не скажет,
что мне повезло?!*

Что ж, прощай, мое Зло!
Перед отъездом Александр Галич принял православную веру. Обряд крещения совершил Александр Мень. «И в первом же разговоре, — вспоминал отец Александр, — я ощутил, что его «изгойство» стало для поэта не маской, не позой, а огромной школой души... Его вера не была жестом отчаяния, попыткой куда-то спрятаться, к чему-то примкнуть, лишь бы найти тихую пристань. Он много думал. Думал серьезно. Многое пережил. Христианство влекло его...»

Александр Галич покинул родину 24 июня 1974 года. В этот печально-знаменательный для себя день он записал: «...Сегодня собираюсь в дорогу — в дальнюю, трудную, извечно и изначально-горестную дорогу изгнания...»

Вначале он уехал в Норвегию, затем жил некоторое время в Мюнхене, а потом в Париже.

*Как могу я не верить в дурные пророчества:
не ушел от кнута, хоть и бросил поводья.
И срьд белого дня немота одиночества
Обступила меня, как вода в половодье...*

Эмигрант

По свидетельству дочери, на Западе Александр Галич отнюдь не бедствовал: «У него там было все — признание, пластинки, книги, концерты, у него было даже две работы — радио «Свобода» и еще он редактировал в английской энциклопедии раздел русской поэзии. Он был достаточно обеспеченным человеком, у него была прекрасная квартира...»

Прервем цитату и отметим, что на Западе вышли сборники его стихов «Песни», «Поколение обреченных», «Когда я вернусь...», а также автобиографическая книга «Генеральная репетиция» (1974). А теперь завершим цитату дочери Аллены: «Но у него постоянно было ощущение не своей жизни».

Можно сказать так: Галич был очень русским человеком и очень связанным с прошлым и настоящим своего народа, он был, как говорится, плоть от плоти его. Свои передачи на радиостанции «Свобода» Галич начинал с песни «Когда я вернусь...» Эта песня была его поэтическим гимном.

*Когда я вернусь...
Ты не смейся, когда я вернусь,
Когда пробегу, не касаясь земли,
но фееральскому снегу,
По еле заметному следу — к теплу
и ночлегу —*

*И вздрогнув от счастья, на птичий твой
зов оглянусь —*

*Когда я вернусь.
О, когда я вернусь!..
Он не вернулся.*

15 декабря 1977 года стало последним днем жизни Александра Галича (он прожил 59 лет и два месяца без четырех дней). В тот последний день он купил радиоприемник «Грюндик» и страшно радовался своему приобретению. Жена Ангелина, ушедшей из дома за сигаретами, сказала: «Вернешься, услышишь необыкновенную музыку». Он любил чистый, бархатный звук.

Когда жена вернулась, Галич был мертв. Он лежал в обугленной полосой на руке и зажатой в кулаке антенной. Смерть от несчастного случая? Такова была официальная версия врачей. Неофициальная версия: убрали спецслужбы. Вместе с КГБ почему-то называли и ЦРУ.

Что произошло на самом деле, мы, видимо, не узнаем никогда. Лев Копелев сказал наиболее точно: «Умер на чужбине чужой смертью». Сегодня Александру Галичу исполнилось бы 80 лет.